

A woman with long red hair, wearing a red one-piece outfit, stands with her back to the camera, looking out of a large window. The window is open, and the view outside is a construction site at sunset or sunrise. A large crane is visible in the center of the window. The sky is a mix of orange, pink, and purple. To the right of the window, there is a large green plant with white flowers. On the windowsill, there are some small objects, including a bottle and a glass. In the foreground, a black and white cat is sitting on the floor, looking up at the woman. The overall mood is contemplative and artistic.

# МАЛИНОВЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

**СВЕТЛАНА ГОЛОЛОВА**

Светлана Гололобова

**Малиновый понедельник**

«Издательские решения»

**Гололобова С.**

Малиновый понедельник / С. Гололобова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856423-9

Это роман о подростках, об их отношениях между собой, с родителями, в социуме. О тех подростках, которые не воспринимают мир через призму чужих идей и мнений. О тех, которые растут, взрослеют, спотыкаются и падают, а затем встают и идут дальше. Идут уже со своим собственным багажом, именуемым жизненным опытом. И тем из них, которым удостоилось нести этот весомый багаж, он не кажется тяжелой ношей. Они несут багаж в этот мир с особой гордостью, ведь он не что иное, как знания и мудрость.

ISBN 978-5-44-856423-9

© Гололобова С.  
© Издательские решения

# Содержание

Глава I. Сон	6
Глава II. Катя	17
Глава III. Сафари	20
Глава IV. Подвал	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Малиновый понедельник

**Светлана Гололобова**

*Иллюстратор* Юрий Сосницкий

*Дизайнер обложки* Юрий Сосницкий

© Светлана Гололобова, 2017

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2017

© Юрий Сосницкий, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6423-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава I. Сон

*Москва, 15.05.2012 года*

Нам, молодым всегда советуют учиться на чужих ошибках. Я не претендую на истину, но полагаю, что невозможно научиться жить без взлетов и падений. Как ребенку научиться ходить, ни разу не упав? Как научиться езде на велосипеде не получив ран и ссадин? Или же, падая с велосипеда и все-таки имея на теле раны, вылечить их одним лишь водным промыванием? Никак.

Вот и у меня вышло так, что, не совершив одну большую ошибку, я не смогла бы понять многих простых вещей.

Но самое главное я поняла только сейчас. Когда окружающий мир становится настолько жестоким к тебе, что трудно оставаться человеком, ты либо подстраиваешься под этот мир и звереешь, либо идешь напролом и остаешься тем, кто ты есть на самом деле. Тебе и только тебе решаешь, кем быть в этой жизни.

А началось все это безумие, подразумевающие под собой жизненный урок, пять лет назад, в злополучный для меня день – понедельник. Не многие любят этот день по понятным причинам, но мой понедельник был особенным. В тот понедельник я ждала свой шестнадцатый день рождения. И как большинство подростков, этот день и эту магическую цифру шестнадцать я связывала с чем-то волшебным, волнующим и ведущим во взрослый мир. Я мечтала о большой любви, крепкой семье, учебе, престижной карьере, но жизнь распорядилась иначе. Я оступилась на краю пропасти и упала. А пока летела, мне казалось, что никто не протянет руку помощи, чтобы спасти меня, но...

Не буду торопить события и расскажу обо всем по порядку. Итак, начнем...

Ранним утром, в тот самый понедельник моего шестнадцатого дня рождения, я категорически отказывалась просыпаться. Хоть и долго ждала его и волновалась, но когда он наступил что-то сразу пошло не так. На календаре было восемнадцатое мая.

Ласковый солнечный лучик, прокрался сквозь белую полупрозрачную штору и пробежался по моему телу, а затем, остановившись где-то посередине пяток, стал щекотать босые ноги. Я зажмурилась и спрятала ноги под пушистый плед. Мне так хотелось остаться в прекрасной стране грез, где нет ни мелких подростковых проблем, ни жизненных трудностей. Но все разом сговорились против меня и даже противный будильник, будто пожарная машина, стал трезвонить так громко, что волей-неволей пришлось подняться и нажать на кнопку. Было восемь утра. Целых восемь часов утра. Непозволительная роскошь для школьницы в будний день, не правда ли? Но у меня, же день рождения!

Я нехотя встала с кровати, открыла окно и, на половину перекинувшись через подоконник, выглянула на улицу. Было прохладно. В малиновом небе висел оранжевый солнечный диск. Вокруг медленно собирались хмурые черные тучи, отчего диск то прятался, то выглядывал вновь, производя магическое мерцание. Откуда-то внезапно появился легкий холодный ветерок и стал трепать мои и без того взлохмаченные волосы. Наигравшись с волосами, он полетел дальше и принялся безжалостно колыхать крону дуба. Шапка гиганта, возвышающегося в самом центре нашего маленького двора, даже не дрогнула и ветерок, поняв, что встретил достойного соперника, потерял к нему интерес и устремился к мелким тучам. Как хитрая лиса, пробравшаяся тихой ночью в спящий курятник, он стал гоняться за тучами, сбивая их в кучу.

Во дворе радостно играла детвора. На скамейке под дубом сидело две мамочки с колясками, а рядом моя любопытная соседка, наблюдавшая за выходящими и входящими людьми из единственного подъезда нашего дома. Скамейка для соседки была скорее блокпостом, где она, спрятавшись от посторонних глаз и предполагая, что ее никто не увидит, делала какие-то

записи в растрепанном блокноте. Глядя на нее, создавалось впечатление, что она считает себя агентом контрразведки, такой уж серьезный вид у нее был в такие моменты. Может, и невидно было соседку жильцам, выходящим из подъезда, но мне, смотревшей на двор из окна десятого этажа, было известно о разведывательных операциях. Прикрытием агента служила ее маленькая собачка, которую она могла представить в доказательства выгула, лицам, заподозрившим ее в слежке.

Рядом с дубом на асфальте играла детвора. Со смехом перепрыгивая, и толкая друг друга, она принялась рисовать цветными мелками причудливые фигуры в виде мамы, папы, ребенка и солнца. Наблюдая за мальчишками и девчонками, я улыбнулась их беззаботному детству и немного позавидовала. Белой, конечно, завистью. Я уже выросла и не могла смотреть на мир беззаботными и радостными глазами. У меня такого детства не было, хотя было в нем все, о чем только может мечтать ребенок: игрушки, сладости, подарки, красивая одежда, но не было главного, не было родительской любви.

Беспечный детский смех напустил на меня тихую грусть, и всплыли образы из детства. Из своих шестнадцати лет, пятнадцать я прожила у бабушки. Не знала я материнского тепла и не гладили мою детскую голову заботливые материнские руки. А руки отца не прижимали к груди после полученных мной ран и шишек. Никто из них не объяснял мне, что хорошо, что плохо. Бабушка старалась сделать мою жизнь счастливой и воспитывала, как могла, но это не может сравниться с воспитанием, которое дают родители. Ни бабушки и дедушки, ни воспитатели, ни учителя, не могут заменить ребенку родителей. Много детей на этом свете не видят родительской ласки, родительской заботы и опеки и живут при этом неплохо и вырастают самостоятельными и успешными людьми. Но это возможно, если дети знают, что у них нет родителей, привыкают к такому положению вещей и живут с этим. Другое дело, когда у ребенка есть родители, но они по разным причинам не желают и не могут дать ему путевку в счастливую жизнь.

Моя мать, Надежда Дмитриевна Смоленская, вполне состоявшаяся личность и путевку в жизнь ей дала ее же мать, которая воспитала дочь в строгости и по всем канонам педагогики и психологии. При моем же воспитании бабушка все свои каноны отставила в прошлом и всегда закрывала глаза на мои детские шалости, баловство и проказы. Хоть избалованной я себя не считала, но вот взбучек мне давать следовало почаще. Как сильно любила, жалела и берегла меня бабушка, также сильно это делала я.

Не буду пускаться в подробности моего воспитания и восприятия мира, и раскладывать по полочкам все аспекты психологического и физиологического формирования моей личности, а вернусь к описанию моих родителей. Так вот, моя мать была состоятельным и влиятельным человеком в обществе, которое принято считать высшим. Отцом же по документам и единственной сохранившейся в семье фотографии являлся некий Андрей Сергеевич Фурсов. Больше мне про него ничего известно не было. Скоро после моего рождения родители совместно перестали проживать да и общаться тоже. Вообще на тему отца в нашей семье было наложено табу, и ни под каким предлогом его нарушать было нельзя. Мать по непонятным и не обсуждаемым со мной причинам дико ненавидела его. Каждый раз, когда я затевала разговор на тему отца, она приходила в бешенство и на этом все заканчивалась. Пару лет назад бабушка все же сжалилась надо мной и рассказала печальную историю их любви. Эта история закончилась также молниеносно, как и началась. Вихрем пылающих чувств и ярких эмоций, любовь мимолетом прокатилась по двум молодым и абсолютно противоположным человеческим созданиям, оставив напоследок лишь воспоминание в виде младенца, которому предстояло познать, чем он провинился перед обоими родителями, если был им так безразличен.

История этой любви началась ровно тогда, когда произошло мое зачатие, а может чуть раньше. Мать в те годы являлась подающей большие надежды, балериной, а отец красивым и харизматичным парнем из семьи дипломатов. Мать же росла и воспитывалась в неполной

семье и моя бабушка не могла ей дать то к чему она так стремилась, а именно богатство. Мать встретила отца, влюбилась, забеременела и в девятнадцать лет, родила меня. Когда мне исполнилось два месяца, матери захотелось не только денег, но и славы и она вернулась на сцену. Вскоре ее постигла неудача. На тренировке она неудачно упала и получила травму позвоночника. С травмой пролежала полгода и заново училась ходить. В балет она не уже вернулась по состоянию здоровья. Она была хрупкой и красивой девушкой, и жизнь дала ей новый шанс. Мать стала моделью, а затем, заработав достаточно денег на безбедное существование, открыла свое модельное агентство. Отец же, женился на ней после моего рождения, а затем, с бабушкиных слов, бросил в самый трудный момент в ее жизни, когда она лежала прикованная к постели, и ушел к другой девушке. Отца и мать и бабушка считали подлецом и предателем.

Сейчас, в свои тридцать пять лет мать выглядела великолепно и, владея собственным агентством, сама продолжала сниматься для модных глянцевого журналов. С годами изящность и природная грация не только сохранились в ней в первозданном виде, но и добавили лоска. Многие мужчины были готовы на все, лишь бы быть с ней рядом, но она, видимо обжегшись, один раз, второй раз уже в огонь не шла.

Моя же внешность, напротив, казалась мне заурядной и непривлекательной, отчего в молодом сознании постепенно зарождались комплексы, грозящие перерасти в более серьезные проблемы, поэтому я всячески старалась с ними бороться. Так вот помимо упомянутой непривлекательности, я отличалась неуклюжестью и лишними килограммами на теле. Глядя на себя в зеркало, эта полнота, как подстрекатель, гнала меня в спортзал и на беговую дорожку. Одноклассницы в моей новой школе посмеивались не только над моей полнотой, но и над цветом волос, называя их ржавым железом. И от них же я ежедневно слышу издевательские сравнения моей внешности с внешностью матери. Кто-то это делал не злобно, не понимая, что наносит мне раны, а вот некоторые сверстницы, наоборот, злобно и цинично доводили меня, задевая за живое. Слезы я им не показывала, зато по вечерам, рыдая в подушку, давала выход эмоциям. Иногда я думала, что мать стесняется меня, следствием чего проявлялась холодность и отчужденность. Но, вопреки всем жизненным перипетиям, я старалась не унывать и надеялась, что когда-нибудь найду себя, а мать осознает свое истинное предназначение и проявит ко мне свою пока еще скрытую материнскую любовь.

Оторвавшись от воспоминаний и размышлений, я снова устремила взор на улицу. Увидев надвигающееся ненастье, детвора с криками стала разбегаться по домам. Ветер, продолжал гулять среди туч, и будто ощутив на себе мой взор, развернулся и снова обратился в мою сторону. Не успела я захлопнуть окно, как он стремительно преодолел сопротивление моего тела и ворвался в комнату, при этом едва не свалил меня с ног, зато свалил флакон с духами с подоконника. Легкие занавески встрепенились вверх и зашуршали.

Мой игривый кот Барсик, запрыгнувший в тот момент на подоконник, свалился с него и, испугавшись звука бьющегося стекла, подскочил вверх, зашипел и опрометью бросился под кровать. Я мигом закрыла окно, собрала осколки и вернулась к кровати. По комнате распространился аромат духов.

– Барсик, не бойся, иди ко мне. – Я наклонилась и стала звать испуганное животное. Барсик не выходил, а лишь лихорадочно бил хвостом по кафельному полу. Кот был мой спасением и преданным другом, готовым всегда прийти на помощь своей хозяйке в моменты огорчения и печали. Он всегда чувствовал мое настроение. А когда мне было плохо, запрыгивал на колени и, принимался тереться головой об мои руки и довольно урчать. Урчащие вибрации передавались моему телу, и я успокаивалась. Через несколько минут уговоров, питомец сдался и вышел ко мне. Я взяла его на руки, вернулась на кровать и стала гладить его по голове. Он, довольно выгнув спину, а затем свернулся клубком на моих руках и уснул.

Я опять погрузилась в воспоминания о детстве и не заметила, как тоже уснула. На этот раз я погрузилась не в мир прекрасных грез, а в мир хаоса, неразберихи и дикого, пронизыва-

ющего насквозь ужаса. Мне приснился странный сон. Я увидела себя лежащей в белом свадебном платье в багровом лакированном гробу с золочеными ручками. Глаза мои были закрыты, но я все видела. Видела себя не со стороны, а изнутри, как и положено живому человеку. Рядом с гробом было много людей, но среди всех окружающих выделалась маленькая девочка, лет пяти. Она стояла в стороне и тихонько плакала. На ее лице читался страх. Она не закатывала истерик, не кричала, а лишь тихонько плакала. Прозрачные, как ранняя утренняя роса, слезы нескончаемым потоком сбегали из бездонных голубых глаз девочки. Я смогла рассмотреть, как губы ее зашевелились и она прошептала: «Мама, мамочка не уходи от меня». Мне стало зябко, я принялась протестовать и захотела выбраться из гроба, но, ни ноги, ни руки не слушались. На моих скрещенных руках лежал серебряный крест. Я неистово принялась молиться Богу и просить об освобождении. Молитвенных текстов я не знала, поэтому молилась, как могла. И случилось чудо, я осознала, что могу кричать. Я изо всех принялась кричать, прося о помощи. Все происходящее казалось странным и противоестественным. Ни мужчины, ни женщины, ни девочка, почему, то не слышали меня. Мужчины закрыли крышку и стали опускать гроб в глубокую сырую могилу, наполовину заполненную грязной жижей.

Я погрузилась в царство тьмы. Пронизывающая, иступляющая, давящая темнота, без единого просвета накрыла меня с головой. Это была скорее не темнота, а полнейший мрак. Мрак был таким явным, таким живым, что я физически ощущала его дыхание, его густоту и силу. Он надвигался на меня и плотным кольцом сжимался вокруг тела, отчего с каждой секундой становилось теснее. Воздуха катастрофически не хватало, и я стала задыхаться. Закрыв глаза, я снова принялась молиться, а когда открыла их и посмотрела по сторонам, то увидела, что нахожусь в своей комнате на кровати. Рядом мирно посапывал Барсик и тихо тикали часы на прикроватном столике.

Сердце колотилось так, чтохватило бы еще минуты такого страха, чтобы оно выпрыгнуло из груди и помчалось прочь от своей хозяйки. Весьма необычное чувство породил нелепый сон. Тревога, запутанная в черную шаль с легким шлейфом серого тумана, нырнула в юную душу и, высоко подняв над собой сито, принялась веять в нее неразбериху. Следом, ворвато озираясь по сторонам, нырнуло смятение и стало безжалостно втоптывать развеянные семена. Я остро почувствовала предстоящую беду. Такие мощные ощущения я испытала впервые. Ладони похолодели, а по всему телу прокатился озноб. Плач девочки звонким эхом отзывался в голове и притуплялся где-то в глубине сознания. Вздохнув и, набрав как можно больше воздуха, я сосчитала до десяти, стараясь выйти из внешнего мира и вернуться в мир реальный. Больше получаса мне понадобилось на то, чтобы вернуться в настоящую реальность и отпустить реалистичный сон. И вот, когда я могла осознавать себя в пространстве и времени, в дверь раздался настойчивый стук.

– Люба, немедленно открой дверь. – Услышала я строгий и раздраженный голос моей матери.

Я молчала. Не хотелось, чтобы она обнаружила меня в таком состоянии. Мать не отступала. Она вообще никогда не отступала, поэтому принялась кулаком барабанить в дверь, требуя впустить ее. Когда и эта попытка оказалась тщетной, она стала бить ногой в дверь, пытаясь ворваться в мою комнату.

За время годичного пребывания в этой квартире, мать всегда требовала моего полного и безоговорочного подчинения. И неважно было, что хочу я, важно было то, чего желает она. Она-то ведь всегда права. Она старше, опытнее и умнее. Проиигнорировать приход матери было невозможно, иначе впереди меня ожидал длительный словесный выговор. Она была единственной хозяйкой в своих владениях и желала не только моего абсолютного подчинения, но и держала в страхе всю прислугу. Вот только кухарка наша Лидия Петровна ее не боялась и на очередные выпады отвечала милой улыбкой.

Стук продолжался, я поднялась с кровати, подошла к двери и повернула ключ. Щелчок в замке произвел на мать эффект красной тряпки и дверь резко распахнулась. Она, словно разъяренная бестия, влетела в комнату. По выражению лица, я поняла, что она чем-то сильно недовольна. Подняв вверх руку и указывая на золотые часы, инкрустированные бриллиантовыми вставками, красовавшиеся на изящном запястье, она строго проговорила:

– Знаешь, который час?

Я отрицательно качнула головой, что разозлило ее еще сильнее.

– Уже десять часов утра, а ты до сих пор в кровати валяешься. Я понимаю, что у тебя праздник, но не так, же его начинать. Люба, я позволила тебе сегодня пропустить школу, но только лишь ради того, что у тебя день рождения, а не для того, чтобы ты валялась в кровати до обеда. Вечером соберется много гостей. Нам еще кучу дел надо переделать, а тебе наплевать, на все. Наплевать, что я одна бьюсь со всеми делами и все делаю в одиночку. Где твоя помощь? Проснуться вовремя не можешь, а у нас весь день расписан по минутам.

Вот только, говоря про дела, она забыла упомянуть, что дела по дому являются исключительной прерогативой прислуги, и она с этими делами никак не связана, а остальное в принципе не так уж и сложно.

Я вздохнула. К жизни по расписанию, уже привыкла. Завтрак, обед, ужин по расписанию; уроки по расписанию, прогулки по расписанию. Она приучала меня к самодисциплине, но в этот раз перегнула палку. Поминутного расписания в нашей совместной жизни еще не было. Оставалось ввести в мою жизнь ежедневный хронометраж, чтобы я отчитывалась за каждое мое движение, каждый вдох и выдох.

– Не беспокойся мамочка, мы все успеем. – Смогла лишь выдавить я из своего внутреннего возмущавшегося голоса. Перечить ей не хотела. Я вообще не любила ее расстраивать и знала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Не называй меня мамочкой, ты ведь знаешь, как я этого не люблю. Особенно в присутствии посторонних.

Я пожалала плечами. Надежда на скорую самостоятельную жизнь, помогала преодолевать ежедневные бытовые трудности, которые заключались не только в общении с матерью, но и во всем остальном, что я в так этой новой жизни не любила.

– Хорошо, как скажешь.

– Тогда быстро одевайся, приводи себя в порядок и через полчаса жду тебя в машине. У нас уже совсем нет времени. – Она повернулась, чтобы уйти, а затем посмотрела на меня и уже чуть мягче произнесла. – С днем рождения тебя, Люба. – На имени она сделала акцент. Дочкой меня мать никогда не называла. Не могла понять, с чем это связано, но она категорически отказывалась это делать. – Сегодня тебе исполняется шестнадцать. Ты стала совсем взрослой, а я не успела заметить, как ты выросла. Желаю больших успехов на твоём жизненном пути. – Мать едва улыбнулась, и на щеках моментально появились ямочки. Когда она так улыбалась, то сама походила на ребенка. Улыбка на ее лице, направленная в мою сторону, появлялась довольно редко. Неужели она не осознавала, что улыбка ей очень идет? Неужели не понимала, что я жду этой улыбки? Желание не иметь вокруг глаз морщинок в виде «гусиных лапок» для нее было сильнее желания дарить тепло дочери. Она вернулась и, подойдя ближе, слегка обняла меня за плечи. От этого легкого материнского прикосновения сделалось приятно. Вероятно, мой кот испытывает такие же ощущения, когда я беру его на руки. И ничего не нужно мне было в тот момент: ни подарков, ни пожеланий, ни денег, а лишь бы она вот так хоть изредка прижимала меня к себе. К сожалению, долго радоваться не пришлось, она снова сменила милость на гнев. Также быстро отстранив от себя и, с присущей ей резкостью, снова заговорила:

– Поцеловать тебя не могу, а то помада размажется. Так что извини, поцелую в другой раз.

Она развернулась и стремительно вышла из комнаты. Ушла она так быстро, что через несколько секунд ее командный голос был слышен уже на нижнем этаже нашей квартиры. Я закрыла дверь на ключ. Только так я могла находиться наедине с собой.

Я еще раз вздохнула. Оказалось, помада все-таки важнее. Расстроенная полным внутренним одиночеством я поплелась в ванную наводить внешний порядок на своем лице и теле. Мать видела, как я стараюсь ей угодить, стараюсь не перечить и даже походить на нее, но вместо того, чтобы мне помочь, приласкать меня, ободрить, в ответ всегда посылались укоры. Все во мне ее раздражало. Я старалась понять ее и простить. С моим появлением, ей пришлось поменять определенный уклад жизни и признать перед друзьями, знакомыми и обществом, что у нее есть дочь. Пришлось считаться и с тем, что дочь тоже живой человек и приносит в жизни определенные заботы и хлопоты. Но смириться с тем, что ребенок уже взрослый и имеет собственное мнение, она не могла. Она считала, что я вошла в ее жизнь и должна жить только по ее правилам, а не как иначе.

За время жизни в московской квартире матери я не смогла привыкнуть не только к здешней обстановке, правилам, манерам в целом, но и к столичной суете в частности. Год назад мой тихий размеренный уклад жизни, где был маленький город, много друзей и подруг, где была любимая бабушка, рухнул. Рухнул он со смертью бабушки. Вот теперь, переехав жить к матери, ежедневно приходилось видеть многочисленных косметологов, парикмахеров, стилистов, массажистов, домработниц, журналистов, подруг матери по тренажерному залу, партнеров по бизнесу и прочих людей. В ее квартире, словно на оживленной магистрали, постоянно происходило какое-то разностороннее движение. Бесконечные гости, снующие по квартире, разглядывали интерьер, восхищаясь, как это мать умудрилась так безупречно и мастерски сочетать в дизайне современный стиль с антикварными вещами и предметами. При всем этом, как бы, между прочим, они обращали внимание и на меня, словно я была часть этой огромной квартиры, да и вообще империи, которую так тщательно выстраивала моя мать. Но я не имела никакого отношения, ни к дизайну квартиры, ни к модной империи матери, хотя им было все равно, главное я присутствовала в ее жизни, значит, была ее частью. Теперь, живя по определенным правилам, я не могла выйти из комнаты в пижаме и направиться напрямиком на кухню к любимому холодильнику за бутербродом, ведь там меня подстерегала встреча с кем-нибудь из тех, кто мог бы неправильно понять мое такое непутевое поведение. Выходить приходилось при полном параде с причесанной головой, да и таскать бутерброды из холодильника, было строго запрещено, так как для этого существовали завтраки, обеды и ужины, которые подавались в столовой в определенное время. А бутерброды и фастфуды, как считала мама, приводят к полноте, с которой я усердно боролась. Да и вообще она была противником перекусов на бегу, приводя при этом массу доводов в пользу здорового полноценного питания за обеденным столом.

Ко всему прочему многие друзья и знакомые матери не сразу поверили, что у нее есть взрослая дочь. Принимали это, как очередную утку, которую она решила подкинуть журналистам, чтобы подняться в рейтинге обсуждаемости среди знаменитостей. Раньше она никому не рассказывала о моем существовании.

На лицах, так называемых друзей, всегда светилась улыбка при моем появлении, хотя судить об их искренности, я не могла. Мать имела не только красоту, славу и достаток, но и, как принято говорить, большой вес в обществе. Общество, в котором она вращалась, состояло из олигархов, их жен, бизнесменов, политиков. Были в нем известные актеры и актрисы, различные театральные деятели, модели, пиарщики, модные столичные тусовщики, и прочая божественная мишура, только вылупляющаяся из скорлупок, именуемая себя дарованиями.

И я была убеждена, что ни будь у матери стойкого характера и железной хватки, то общество бы это с превеликим удовольствием вмиг проглотило ее при первом удобном случае, стоило бы ей споткнуться, и не подавилось бы. Я не сама пришла к такому выводу, об этом мне

сказала Лидия Петровна, которая знала мою мать больше десяти лет и прекрасно разбиралась в психологии людей. Лидия Петровна не только разбиралась в кулинарных изысках, но и в человеческих душах, а еще она имела образование психолога. Но не об этом речь. Не стану уводить от главного повествования, дабы не запутаться в своих бессвязно бегущих мыслях, и вернусь к злосчастному понедельнику.

Я открыла шкаф и стала смотреть на платья, в одном из которых должна была посетить салон красоты. Шкаф у меня был большой, можно сказать огромный. Он занимал, чуть ли не половину комнаты. Комната же, напротив, была маленькой, в сравнении со шкафом и всей квартирой. Комнату я обставила самостоятельно. В ней не было ничего лишнего. У окна стояла кровать с кованым изголовьем, напротив фикус, рядом трюмо. Был в ней также небольшой письменный стол, удобное кресло и ковер на полу. Обстановка комнаты была единственным, что мать разрешила сделать мне самостоятельно, отчего была ей благодарна. Комната являлась моим пространством, моим убежищем, вотчиной и местом, где я могла не только спрятаться от гламурного общества, но и отдохнуть, поразмышлять. Ах, да, еще забыла про кота. Барсик тоже был исключительно моим самостоятельным приобретением. Его я купила на блошином рынке. За пределы комнаты Барсик не выходил, дабы избежать наказания за подратые кожаные диваны и кресла, об которые он однажды, выскочив из комнаты, стал точить когти и был застигнут матерью на месте преступления. Все же было по правилам. Иногда по вечерам я выгуливала его во дворе с ошейником. Соседи улыбались, но я не могла с ним выходить без ошейника и поводка. Имея игривый нрав, каждый раз, завидев птиц, он прижимал уши, округлял глаза и норовил спрыгнуть с моих рук и умчаться на охоту.

Платьев в шкафу было много и каждое можно назвать достойным любого праздника. В покупке нарядов мать не скупилась. Это она постаралась сделать так, что шкаф мой ломился от трендовых вещей. Я же предпочитала носить джинсы с футболками или свитерами. Взяв первое попавшееся платье из легкого синего трикотажа с тоненьким кожаным ремешком золотистого цвета, я быстро привела себя в порядок, так же быстро оделась и спустилась в столовую. Несмотря на обещание матери ожидать меня в автомобиле, она сидела за столом и разглядывала отчетные бухгалтерские документы. Она перелистывала страницы и отчитывала домработницу за какие-то необоснованные траты. Домработница, добротная женщина средних лет, склонив на грудь голову, молча, слушала и кивала. Я решила, что домработница не спорит, так как мать хорошо оплачивает ее работу, но оказалась, что неправда. Через минуту я узнала, что она не просто потратила деньги не по назначению, а присвоила их для себя. Домработница рассказывала, что взяла деньги для лечения сына. Говорила, что постеснялась их занять или попросить и, оказавшись в затруднительном положении, взяла деньги из кассы, которую выдает моя мать на различные нужды.

Мать сидела на стуле так, что спина ее была натянута, как струна на гитаре. Внешний вид ее всегда был безупречен. Даже в тот день, одетая в джинсы и облегающую упругую грудь маячку на тонких бретелях, она выглядела великолепно. Ее фигуре могла бы позавидовать любая двадцатилетняя девушка. Ни одного лишнего грамма в теле, ни одна морщинка не портила ее красивого слегка смуглого лица, а коротко подстриженные волосы черного цвета, делали ее еще моложе. С присущей, как мне казалось, только ей одной грацией, она встала и прошла по комнате, размышляя над бумагами. Домработница в этот момент, тяжело дыша, ждала ее решения. Видно было, как она переживала, ожидая вердикта. Но к радости взволнованной женщины, мать остановилась и сказала, что решила простить ее и не сообщать о краже, при этом потребовала в ближайшие два месяца возместить расходы.

Женщина упала в ноги матери, расплакалась и принялась благодарить. Мать с невозможным видом, подняла ее с колен и попросила оставить наедине со мной. Наблюдая за весьма неприятной сценой, свидетелем которой я нечаянно оказалась, я прониклась к матери почтением.

– На завтрак ты не явилась. Поэтому сходи на кухню и попроси Лидию Петровну накрыть тебе в столовой. – Проговорила она, как только домработница скрылась за дверью.

Мне не нравилось завтракать в столовой, поэтому решила идти пить чай на кухню. Там всегда вкусно пахло домашней выпечкой, ванилином и горячим шоколадом. Я спросила ее разрешения, и так как был мой день рождения, она не возражала.

На кухне Лидия Петровна тучная, но весьма энергичная и добродушная женщина суежилась у плиты. Увидев меня, она проговорила:

– Доброе утро, милая. Поздравляю тебя с днем рождения! – Она оторвалась от плиты, подошла ко мне и расцеловала в обе щеки. – Я испекла твои любимые блинчики. Чай уже готов, где накрывать на стол?

– Спасибо, Лидия Петровна и за блинчики и за поздравления. Я позавтракаю здесь.

Лидия Петровна наполнила чаем фарфоровую кружку и поставила передо мной. Я уселась на стуле за столом.

– Любочка, что ты сегодня какая-то бледная. Не случилось ли чего?

– Нет. Ничего не случилось. У меня все в порядке. Просто немного волнуюсь. Не привыкла отмечать свой день рождения так масштабно. Я бы предпочла отметить этот праздник с мамой и друзьями из моего детства, но это невозможно.

Я попыталась улыбнуться, но лицо кухарки стало мрачным, и она критически посмотрев на меня, произнесла:

– А ты говорила маме о том, чего тебе, действительно, хочется? Говорила, что не желаешь суеты и посторонних людей?

Я повертела головой.

– Разве это что-то изменит?

– Твоя мать тебя любит, просто ей нужно время, чтобы дать волю своим чувствам. Скоро все наладится, ваши отношения перейдут в другое русло, и вы станете общаться, как родные люди. Жизнь штука сложная. До недавнего времени у каждой из вас была своя размеренная жизнь. Не случись беда, так бы может быть и продолжалось бы. Но что случилось, то случилось. Найди в себе силы и прости ее. Возможно, когда она отдавала тебя на воспитание к бабушке, ее решение было тогда единственно верным. Она не видела иного выхода. Она была молода и неопытна. А твоя бабушка была старше, опытнее, мудрее и больше разбиралась в вопросах воспитания детей. Твоя мама ведь от тебя не отказывалась, она просто зарабатывала деньги на жизнь для себя и для тебя. Я ее давно знаю и могу с уверенностью сказать, что она замечательный человек.

– Вот вы говорите, не случись беда, так бы все и продолжалось. Так в том то и дело, мы абсолютно разные люди. Мы хоть и родные по крови, но все, же разные по духу. Мы никогда не станем близки. Слишком поздно. И то, что она зарабатывала деньги, ее не оправдывает. Между заработками можно было выделить время и для ребенка. Я знаю, многие так живут и зарабатывают деньги и у всех семьи и они не отказываются от воспитания детей. Я дождусь своего совершеннолетия и уйду отсюда. Я не стану ей мешать жить той жизнью, к которой она привыкла. Но и я такой жизни долго не вытерплю. Для меня здесь все чужое. И она для меня чужая. Раньше мы очень редко виделись и до определенного времени, когда я была маленькой, то думала, что моя бабушка является моей мамой. И называла мамой я свою бабушку. Бабушка была совсем другой. Когда я стала взрослеть и понимать, кто моя настоящая мать, мне захотелось быть похожей на нее, ведь она так красива. И это тоже принесло мне много переживаний. Теперь вот я выросла и не хочу быть на нее похожей. Я хочу жить своей жизнью и так как мне того хочется. Хочу учиться там, где мне хочется, а не там, где мне скажут. Я уже личность.

– Нет, Люба ты еще маленькая капризная девочка. Личностью ты станешь тогда, когда будешь материально независимой. Вот когда сможешь обеспечить себя и семью, когда будешь иметь не только свое мнение, но и жизненную позицию и мудрость, чтобы учитывать интересы

не только себя, но и окружающих тебя людей, тогда можно сказать, что ты личность. Когда тебе придется заботиться не только о себе, но и о близких людях, детях, матери ты также будешь личностью.

– Все равно я уже личность. Я ведь думаю, размышляю, имею свое мнение. Значит я личность. Пусть материально зависимая, но уже личность.

– С вами подростками спорить бесполезно и бессмысленно. У вас на все случаи жизни найдутся свои ответы. И вы их воспринимаете, как единственно правильные, хотя это не так. Пройдет время, и ты вспомнишь о нашем разговоре. А Надежда Дмитриевна, повторяю тебе, замечательный человек. Она чуткая и внимательная, занимается благотворительностью и помогает детям, оставшимся без попечения родителей в детских домах.

– Это она свою совесть очищает, за то, что не заботилась обо мне в детстве.

– Она полностью содержала и тебя и твою бабушку. Ты жила не в бедности, у тебя было все самое лучшее.

– Она чувствовала угрызения совести, вот и откупалась подарками.

– Не говори так. Ты опять не права. – Лидия Петровна расстроилась из-за нашего разговора, отошла обратно к плите и продолжила что-то готовить.

В этот момент на кухне появился предмет нашего разговора, моя мать. На ее лице виднелась злоба, а губы были сжаты в две узкие складки. Она ничего не сказала, а лишь подошла к кувшину и налила себе воды. Скорее всего, она услышала часть нашего разговора, и разозлилась на меня. Возможно это к лучшему, подумалось мне и пусть знает, что я о ней думаю. Все равно отношения между нами не наладятся. Целой жизни не хватит, чтобы мы стали родными. Шестнадцать лет я была не нужна, а сейчас уже взрослая и сама стану решать, как мне жить.

Мать, выпив воды, слегка подрагивающей рукой, поставила наполовину пустой стакан на стол и, посмотрев в мою сторону с какой-то тоской, молча, вышла из комнаты.

Мне надо было укротить бушевавший внутри ураган из обиды, смятения и несправедливости, поэтому стиснув зубы, я стала смотреть в большое окно, из которого открывался панорамный вид на одну из центральных улиц нашего города. Солнышко, совсем недавно разбудившее меня ласковыми лучиками, исчезло. Вдали прозвучали раскаты грома, да так сильно, что земля содрогнулась, и затрещали стекла. Тучи продолжали кучковаться и, плетя заговор против яркого светила, окружали его со всех сторон. Вскоре заговор раскрылся и тучи объединившись, явились взору проливным дождем. Крупные кали с шумом разбивались о стекло и бесконечными извилистыми ручейками сбегали вниз. Эта погода была под стать моему настроению. Барабанная дробь за окном, не уступала барабанной дроби мыслей в голове.

Лилия Петровна вновь вернулась ко мне и, поставив тарелку с дымящимися блинчиками, присела рядом, взяла меня за руку и тихо проговорила:

– Милое мое дитя, я не стану спорить с тобой о твоей матери и насаждать тебе свое мнение. Пусть у каждого из нас о ней будет свое мнение. У тебя сегодня праздник и не стоит хмуриться из-за того, что тебе пока понять, не дано. Всеу свое время. Я вижу, что тебя тревожат не только отношения с мамой, а что-то еще. Может, расскажешь, если захочешь? Тебя кто-то обидел?

Лидия Петровна тонко чувствовала мой настрой. Я знала, что она может успокоить и дать умный совет, поэтому сама того не осознавая принялась рассказывать ей про сон. Кухарка слушала меня, не перебивая, а когда я закончила, она обняла меня за плечи так, как это делала моя бабушка и принялась успокаивать:

– Не переживай милая. Все у тебя будет хорошо. У тебя целая жизнь впереди. Покойники обычно снятся к перемене погоды. Видишь погода, действительно, переменялась, и пошел дождь. И если ты видела себя в гробу, так это к длинной и счастливой жизни. – Она замолчала, думая о чем-то своем.

– Ты еще не готова? – Услышала я голос матери, которая опять пришла на кухню, и повернула голову в ее сторону. Она по-прежнему была напряжена. – Нам пора ехать.

– Там же дождь льет. Может, подождем немного?

– Я попросила охранника переставить автомобиль от дома на подземную парковку. Спускайся вниз. И можно уже быстрее это делать. У меня сегодня много дел. – Ответила мать, после чего позвякивая автомобильными ключами, которые перебирала пальцами правой руки, пошла к выходу из квартиры. Охранник нашего дома частенько выслуживался перед матерью, вот и этот раз услужливо исполнил ее просьбу. Я не знала, что думать. Обо мне она позаботилась, чтобы я не промокла и не замерзла или же о себе и своем внешнем виде?

Я быстро встала, взяла сумку и последовала следом. Внизу на парковке стоял новенький кабриолет ослепительного белого цвета. Верх был поднят. Я запрыгнула внутрь, и мы двинулись в путь. Мне предстояло посетить салон красоты, сделать прическу и маникюр, а затем купить платье на вечер. Платьев было много, но на день рождения, мать решила, что платье должно быть новым. У матери были свои специалисты по красоте и стилю, но я решила сама выбрать себе парикмахера, так как в свой день рождения, я хотела сама принимать хоть какие-то решения. И моя мать, как ни странно, с этим согласилась. В бутике модной одежды я выбрала самое экстравагантное платье. Это коктейльное платье больше походило на ночную рубашку. Она было серебристого цвета с голубыми пайетками на тоненьких бретельках и вызывающе коротким. В тот момент я тоже злилась на мать, и мне захотелось досадить ей. Платье мне тоже не нравилось, как не нравилось то, что вечер должен был идти по ее сценарию. Мать, скрипя зубами, расплатилась за него.

Когда мы вернулись домой, у меня еще оставалось время до торжества. Я открыла альбом и стала смотреть на дорогие сердцу фотографии. На одной из них была моя мать и отец, которые державшись за руки, бежали от дождя, к автобусной остановке. На их лицах светилась любовь и счастье. Там были и фотографии бабушки, которая с любовью обнимала меня на утреннике в садике. На мне был костюм зайчика с большими торчащими ушами. Эта забавная фотография была особо дорога мне.

Жаль, что бабушки не стало. Она была моей единственной опорой, поддержкой и истинной подругой. Бабушка тоже сильно переживала сложившуюся ситуацию с моей матерью, хоть никогда прямо не говорила мне об этом. Она думала, что мать преодолет себя, оправится от расставания с балетом, с моим отцом и заберет меня. Шли годы, но этого не происходило.

А когда бабушки не стало, и я переехала в Москву, мне стало еще труднее. Пришлось оставить привычный город, друзей, мой дом. В Москве у меня появились новые подруги, приятели и знакомые в школе. У всех были обеспеченные родители, и они в чем не нуждались. Их можно было причислить к так называемой «золотой молодежи». Одноклассницы все время разговаривали об одежде, новых моделях современных мобильных устройств, зарубежных поездках, успехах своих родителей, светских вечеринках, при этом постоянно хвастались друг перед другом. Мои взгляды немного отличались. Живя в Серпухове, я была погружена совсем в другую атмосферу. Там все было проще. Там я читала много книг и не только из художественной литературы, но и научной и познавательной. Кроме того изучала историю и религию народов мира. Может быть, это послужило основой для формирования моего внутреннего мира, и этого я точно знать не могла, но одно знала точно, его содержание было немного иным, чем у моих одноклассников. Существует множество тем для увлекательных разговоров, чем беседы о том, куда пойти вечером, какое надеть платье, в какую страну отправится на каникулах.

Несмотря на все жизненные трудности, с недавних пор у меня появилась одна подруга, с которой мне было интересно и легко общаться. Звали ее Екатериной или попросту Катей. С ней мне было интересно. Катка рассказывала мне о Москве, про жизнь и трудности простых людей и соседей, которые ее окружали в тесной коммунальной квартире. Ее рассказы были

всегда веселыми и занимательными. Каким-то неизвестным мне внутренним чутьем я знала, что ей можно доверять.

## Глава II. Катя

С Катей я познакомилась четыре месяца назад, и мы сразу же подружились. Познакомились при самых обычных обстоятельствах. Я совершала очередную утреннюю пробежку по парку, находящемуся рядом с моим домом и, споткнувшись, упала и повредила лодыжку. Катя помогла мне дойти до лавочки и затем добраться до дома.

Она была старше меня на три года, но это ничуть не мешало нашей дружбе. Ей было девятнадцать лет. Я считала Катю вполне взрослым, самостоятельным и рассудительным человеком. У Кати была непростая жизнь, и это обстоятельство сделало нас подругами. Ее мать много и беспробудно пила, а отца и вовсе не было. Мать Кати работала дворником в парке. Но из-за того, что та часто уходила в запои, Катя выполняла работу вместо нее.

Вообще-то, она придерживалась принципа, по которому родителей не выбирают, оттого не только терпела, но и любила свою непутевую мать. Всячески, как могла, помогала ей не только по хозяйству, но и материально. На спиртное денег не давала, а вот все остальные бытовые покупки полностью ложились на ее плечи. Катя еще работала официанткой в ночном клубе. Вот так ночью отработав смену, она ранним утром возвращалась домой и шла подметать улицу, а вернувшись, готовила, убирала, стирала и, лишь высвободив немного времени для себя, принималась за изучение анатомии и других медицинских дисциплин. Катя мечтала поступить в медицинскую академию, стать наркологом и лечить таких больных, как ее мать.

Я умышленно делаю объемным описание подруги, так как она стала для меня маленьким лучиком света в огромном бездушном мегаполисе, и я с момента знакомства восхищалась и восхищаюсь ее упорством и порядочностью.

Так вот продолжу ее описание и скажу, что помимо добродетелей, она обладала очень развитым чувством интуиции. Она каким-то внутренним чутьем предвидела опасность, грозящую ее матери и уже несколько предотвращала ее самоубийства, возвращаясь, домой в самый подходящий момент. О суицидальных наклонностях матери алкоголички, Катя рассказала мне неделю назад, когда ту в очередной раз отвезла скорая помощь в психоневрологический диспансер. Я в тот день примчалась к ней и видела, что после отъезда скорой, Катя с облегчением вздохнула. Я сразу не поняла, в чем заключалось облегчение, но позже она объяснила, мать под присмотром врачей не употребляет спиртного и немного приходит в себя. Оттого и ей и Кате было легче. Подруга сказала, что кодировки от алкоголизма уже не действует и изменить ничего в жизни матери нельзя. А недавно у нее обнаружили цирроз печени, и жить ей осталось, совсем недолго. Катя огорчалась, так как кроме матери у нее больше родных не было.

Крошечная комната, в которой они жили, была муниципальной и им не принадлежала, и если мать бросит работу дворника, то их выселят из комнаты. Положение у подруги было не завидным и более безрадостным, чем у меня, поэтому я как могла ее подбадривала. Обоюдное подбадривание нас объединяло, и я стала считать Катю пусть не родной, но все же сестрой. А еще она могла часами выслушивать мои жалобы и при этом хранить секреты, что меня успокаивало.

Кате повезло в жизни только с внешностью, и она получила весьма приятное лицо. Она была высокой, худощавой, но сильной. Сильной она была не только внешне, но и внутренне. Был в ней какой-то стальной стержень и ощущался он в ее делах, разговорах и поступках. Нелегко жить людям, когда у них есть стержень, но нет крепкой основы для его роста и воспроизводства. И мне было чему поучиться у этой замечательной девушки.

Катя не сломалась, не стала злоупотреблять алкоголем, а словно маленький цветок, пытавшийся пробиться сквозь сорняк, она все время тянулась вверх и боролась с превратностями судьбы. Ее длинные и прямые волосы соломенного цвета, доходившие до самого пояса, вкупе с бледностью и худобой, делали ее похожей на героиню романов. Большие и умные

глаза миндалевидной формы, цвета ясного голубого неба, выражали тихую грусть и надежду на светлое будущее. При этом на ее лице всегда присутствовала улыбка и позитивный настрой. Высокая грудь идеально подчеркивала все достоинства ее фигуры. Ее внешность можно было назвать не только приятной, но и красивой. Катя никогда не важничала от своей внешности и как самый обычный человек не стремилась попасть туда, куда вход ей был закрыт. Она не ходила на кастинги, не ждала легких и больших заработков, а просто, тихо и скромно жила жизнью дочери алкоголички. И она не просто жила, а выживала в суровых условиях.

Кате нравилась моя мать, несмотря на мои жалобы в ее адрес. Подруга буквально боготворила ее. Ей была по вкусу и внешность матери и то, что она занимается благотворительностью. И каждый раз, когда я хотела сказать, что-то плохое в ее адрес Катя, предлагала сравнить мою мать со своей и только потом обсудить детали. Тогда мы вступали в полемику, но и это не являлось препятствием для нашей дружбы.

Моей матери, напротив, Катя, совсем не нравилась. Она считала ее недостойной подругой; человеком не нашего уровня и из другой социальной среды. В первый месяц нашей дружбы, мать вообще прямо запретила мне общаться с Катей и между нами произошла серьезная ссора, после которой мать не разговаривала со мной несколько дней. Затем она успокоилась, уступила и сказала, что не вправе запрещать мне с ней общаться, но в квартиру ее приводить запретила безапелляционно. Она вбила в свою голову, что Катя может что-нибудь украсть или же сообщить грабителям адрес нашей квартиры и расположение вещей в ней. Я не стала передавать подруге тот тяжелый разговор, но Катя к нам больше не приходила, а я втайне от матери ходила в гости к Кате. Несмотря на все запреты, я пригласила Катю на день рождения. Она была единственным человеком, которого я желала видеть в этот день. О ее приходе я предупредила мать заранее. Она естественно осталась недовольна таким обстоятельством. Но ей пришлось смириться, так как это был, повторюсь мой день.

\*\*\*\*\*

В дверь постучали. Я вздрогнула, но не успела подойти к двери, как она распахнулась и на пороге появилась улыбающаяся Катя. В ее руках был блестящий сверток с красивым алым бантом. Катя с визгом подбежала ко мне и обняла так крепко, что мои кости затрещали.

– Любашка, с днем варенья! Пусть все твои красивые и смелые мечты и желания в скором времени сбудутся. Пусть солнце светит для только тебя, а на горизонте скоро появится парень, который достанет звезду с неба. – После этих слов, она отстранила меня и протянула сверток. Я положила сверток на кровать и, шурша бумагой, развернула. Внутри оказалась маленькая коробочка, а там фарфоровая кукла в виде балерины.

– Ты ведь хотела когда-то стать балериной. Я видела у тебя несколько статуэток, вот и решила пополнить твою коллекцию.

– Спасибо, Катя. – Я расцеловала подругу в обе щеки и пришла в восторг от подарка.

– Где же ты ее купила? Это ведь редкая вещь.

– Пустяки. Я хотела ее найти и нашла. В антикварной лавке.

Я поняла, что статуэтка была ценной, возрастом не менее семидесяти лет. Катя, стараясь сделать мне приятно, поэтому потратила свой недельный заработок.

Катя тоже была довольна тем, что угодила подруге и, видя мою широкую улыбку, весело запрыгала на месте. Я тоже приготовила сюрприз для Кати и протянула ей ответный подарок. Она давно мечтала о маленьком красном платье, которое подходило к ее светлым волосам, но купить его не могла. Я решила как-то помочь ей осуществить пусть маленькую, но все же мечту и, сэкономив из своих карманных расходов немного денег, купила это платье. Радости подруги не было предела. Сначала она нахмурилась и отказалась его взять из-за его дороговизны, но когда я сказала, что ее подарок тоже не приму и что я тоже желала ее порадовать,

она согласилась и примерила платье. Увидев, как оно идеально сидит на ее фигуре, пришла в полный восторг и решила на праздник остаться в нем.

После этого мы спустились вниз и последние три часа провели на официальной части праздника. На праздник собралось не менее пятидесяти человек. И это были только особо приближенные к матери люди, но и этого хватило, чтобы через полчаса утомить меня так, что я едва стояла на ногах, лично встречая каждого приходящего на мой праздник. В результате у меня заболели не только ноги, но и челюсть от бесконечной и вынужденной улыбки. Трехчасовая часть была скучной и однообразной и показалась вечностью. Меня окружали люди, которые норовили поцеловать в щеку, называя это чмоками, дарили не нужные мне подарки в виде золотых браслетов, цепочек, всевозможных ваз, больше подходящих для маминого интереса, а не для моего возраста. Среди подарков были всякие милые безделушки в виде пушистых зайчиков, мишек и белок из натурального меха. Гости, забыв, что мне уже шестнадцать, а не пять и даже не десять лет, дарили не подходящие к случаю вещи. Еще были какие-то платья от кутюр с увесистыми камнями, стразами и страусиными перьями, бала даже позолоченная шариковая ручка. Вот только она мне и пригодилась в дальнейшем. Той самой ручкой я впоследствии стала делать наброски и зарисовки из своей короткой и юной жизни, которые вылились в целое произведение. Когда первая часть мероприятия закончилась, я вместе с Катей выдвинулась в ночной клуб под экзотическим названием «Сафари», куда были по рекомендации и настоянию опять же матери, были приглашены мои одноклассники. Этот ночной клуб порекомендовала мамина подруга и по совместительству мать моего одноклассника. Ее сын систематически посещал это заведение и всегда с восторгом рассказывал о нем.

## Глава III. Сафари

Такси подъехало к модному ночному клубу, где любили собираться мажоры и столичные тусовщики. На здании, состоящим из нескольких этажей, красовалась большая неоновая вывеска «Сафари». У двери стояла очередь из желающих попасть внутрь, но охранники, отталкивали толпу, говоря, что мест нет.

Мы с Катей зашли спокойно, пояснив, что у нас забронирован столик. Когда мы вошли внутрь, то моим глазам понадобилось время, прежде чем я привыкла к полумраку и смогла рассмотреть обстановку и интерьер зала.

Играла не очень громкая музыка. Народа внутри было немного. У входа создавалась искусственная горячка из желающих попасть внутрь, и все это было придумано руководством клуба, дабы привлечь больше посетителей к заведению. И те лица, которым удавалось протиснуться сквозь толпу и пройти охрану с важным и довольным видом заходили в зал так, словно прошли через королевскую охрану и им выпала честь попасть на аудиенцию.

Сначала мне это место показалось немного жутковатым, но затем, присмотревшись, оно заставило улыбнуться. В большом полукруглом зале были каменные стены, переносившие гостя в атмосферу средневекового замка с его дикими нравами и обычаями. На стенах висели головы диких животных. В центре зала находилась клетка с рысью, которая важно прохаживалась из угла в угол, рассматривая посетителей. В дальнем углу я смогла рассмотреть огромный камин, выложенный из дикого камня в котором горел не просто огонь, а целый костер. Рядом висели декоративные ружья и арбалеты из разных стран и эпох. У камина стояло несколько плетеных кресел и кальяны. По всему залу были расставлены кадки с пальмами, фикусами и лианами, передавая атмосферу диких джунглей. А на стенах располагались картины со сценами охоты. Меня поразила концепция заведения. Я знала, что у каждого подобного заведения должна быть своя концепция, свое лицо и свой образ, перешедший от идеи к воплощению. Создатели, видимо имея слабое представление о том, чем является сафари, смешали воедино стиль средневекового замка, охоту на Западе и африканскую охоту, представив в итоге стиль из чучел, кадок, лиан и дикого камня, именуемый каламбур. Единственной изюминкой заведения была рысь, но и мне ее стало жаль. Ведь она, как и мы люди, была вынуждена терпеть чужое вмешательство, и подчинится обстоятельствам.

– Ух, ты! Здорово-то как! – Прокричала мне на ухо Катя.

– Попугая не хватает. – Прокричала я в ответ.

– Какого попугая? – Катя не поняла иронии.

– Говорю, что для полной картины не хватает попугая, а также носорога. Как же африканское сафари без носорога и попугая.

– Сейчас выйдет хозяин заведения, и на его плече будет попугай. – Засмеялась Катя, наконец-то поняв мой злой юмор.

Чернокожий администратор отвел нас к уголовному столу, скрытому за пальмами и лианами.

– Они не ядовитые? – Спросила я у администратора, показывая на большую увесистую лиану, качавшуюся прямо над столиком.

– Нет, что вы. Они безобидны. Флористы их привозили вместе с документами и там сказано, что они не нанесут вреда здоровью. От них даже аллергии быть не может. – Администратор улыбнулся, оголив белоснежные зубы, контрастно выделяющиеся на его темной коже. В полумраке зала лицо официанта было практически незаметно, зато зубы я видела отчетливо. В тот момент я ощутила себя не охотником на сафари, а Алисой из страны Чудес, где вместо морды кота, Алиса видела только его улыбку. Меня это позабавило. Я всегда могла замечать мелочи там, где они обычно не видны.

Я тоже улыбнулась, но не в ответ официанту, а своим мыслям. Но тот, приняв мою улыбку за хорошее к нему расположение, снова стал улыбаться во весь свой широкий рот и спрашивать, не надо ли нам чего. Стараясь не расхохотаться, я ответила ему, что нам ничего не нужно. Когда он ушел, я рассказала Кате про чеширского кота, и она тоже долго хохотала.

Не буду вдаваться в подробности остальным описанием, столь экзотического с точки зрения создателей заведения, скажу лишь то, что стол там оказался огромным и тяжелым с резными дубовыми ножками, под стать опять же средневековому замку. На столе, засервированном на два десятка персон лежала белая скатерть, стояло три вазы с белыми лилиями и горели свечи в массивных металлических канделябрах. В центре стола находилась табличка с моим именем, где было поздравление от хозяина заведения. Было там и несколько бутылок дорогого шампанского, подаренного мне заведением в честь праздника. Это приятно удивило и порадовало. Поясню, что порадовало не то, что не придется за него платить, а то, что заведение желает приятного праздника своим гостям.

За нашим столом среди гостей не было никого. Я оглянулась по сторонам. На соседних столиках стояли таблички с надписью: «Заказано». Видно было, что посетителей ожидается много, и это несмотря на понедельник. Официантки, одетые в коротенькие юбки, похожие на шкуры диких животных и таких же цветов топики, проворливо ходили по залу, сервируя столики и разнося различную посуду. Катя, открыв рот, во все глаза смотрела в зал, и видно было, что заведение ей понравилось.

– Ты что не видела ночных клубов? Ты же сама же работаешь официанткой в одном из таких.

– Да что ты! – Воскликнула она. – Мой клуб не такой крутой. Там все намного скромнее и столики из пластмассы и нержавеющей стали, а не из дуба. Да и публика совсем другая, в основном студенты и молодежь из близлежащих домов. И вход там свободный: заходи, как хочешь, в чем хочешь и с кем хочешь. Совсем не то, что здесь. Глянь как красиво. И бесплатной выпивки, даже на праздник не предлагают. Одним словом здесь все очень классно.

Я улыбнулась. Мне тоже не с чем было сравнить это заведение, так как я впервые была в ночном клубе, поэтому спорить не стала. Я решила, что если мне оно показалось странным, то другие так не считают, поэтому была вынуждена согласиться с более опытной в таких делах подругой.

– Вау! Здорово. Обалдеть можно. Просто супер. – Катя никак не могла угомониться и все время восторгалась, то глядя в меню, то озираясь по сторонам и обсматривая проходящую публику. – Я не ризу не видела ничего подобного. Где еще можно увидеть живую рысь? Вот именно, нигде. Только в зоопарке. А здесь пришел, присел за стол и смотри, сколько хочешь.

– Да уж. – Я опять съязвила. – Нигде. Может нам еще на стол подадут не только запеченного молодого поросенка, а целую голову кабана, чтоб молодежь не только изнуренным животным, мечущимся по клетке, но и кабаном восторгалась и думала как, же съесть такую огромную голову и вообще можно ли ее кушать.

– Ты опять за свое. – Возмутилась Катя. – У тебя сегодня день рождения, а ты все не унимаешься. Расслабься, хоть сегодня. Ты что, не с той ноги встала?

– Вот именно, что не стой и не с этой. Извини, ладно. Не знаю, что на меня нашло. Просто на душе как-то беспокойно. Предчувствие какое-то плохое.

– Люб, угомонись, наконец. Что может произойти плохого? Мы вместе и будем присматривать друг за другом. Тем более мы посидим здесь пару часов и поедем по домам. Мне завтра на работу рано утром вставать, а тебе в школу. Все будет хорошо.

Катя откинулась на спинку дивана, устраиваясь поудобнее, и снова заговорила:

– Знаешь, хоть тебе и не нравится это место, я бы осталась здесь работать. Наверняка чаевые хорошие.

– С чего ты так решила?

– Сюда ходят богатые и знаменитые.

– Сомневаюсь, что они оставляют много денег. Большинство из них жлобы и не то чтобы на чай не дадут, они за ужин могут отказаться платить, сославшись на недостаточную прожарку мяса или несвежий, по их мнению, салат.

– А ты откуда знаешь?

– Я слышала, как мать с подругами разговаривала. Один из ухажеров ее подруги и есть вот такой богатый жлоб. Когда подруга матери с этим товарищем пришли в приличный ресторан, где подавали блюда из молекулярной кухни, ему ровным счетом не понравилось ничего, и он отказался платить за плохую еду. А вот спутница его побоялась скандала и заплатила. Вот так бывает.

– Ну... не знаю. Не все ж такие.

– Так вот и я думаю, что не все, но они есть.

– А я вот о людях лучшего мнения.

Несмотря на то, что Катя была старше меня, ее детская непосредственность, заставила меня снова улыбнуться.

– Любаш, глянь, кто пришел. – Катя махнула головой в сторону входа. Я повернулась и увидела Марину и Анжелику. Катя знала моих одноклассниц из моих рассказов и по фото из телефона. Они с важным видом зашли в зал так, словно были постоянными посетительницами заведения. Администратор снова продемонстрировал улыбку чеширского кота при их появлении. Они были не только моими одноклассницами, но и первыми сплетницами в нашей школе. По мытью костей им не было равных. Также не было ни одной новости, которую бы они не узнали первыми. А еще их особенностью было то, что они все свои действия фотографировали и выкладывали на страницах в своих социальных сетях, подогревая своих подписчиков и создавая вокруг себя постоянный ажиотаж. Они были популярными не только в школе, но и в городе в целом. А еще они не пропускали ни одного мероприятия, где можно быть в центре событий и показать себя любимых. Выглядели обе шикарно и просто превосходно. Я помахала им рукой.

– Важные, как индейки на новогоднем столе. – Засмеялась Катя.

– Я пригласила весь класс, в том числе их. Будь аккуратнее в разговоре и поменьше болтай. Они способны вытянуть из тебя любую информацию и ты сама им все расскажешь, того не подозревая. Поэтому я предупреждаю тебя, веди разговоры о погоде, платьях, вкусной еде и прочей ерунде и ничего личного. А если скажешь, что-то лишнее, то завтра в соцсетях они тебя же и высмеют. Они всегда так делают, особенно с людьми, которые, как они считают не ровня им.

– Я тебя услышала. – Катя тоже непринужденно помахала им рукой.

Марина и Анжелина лебединой походкой поплыли по залу и уже вскоре стояли рядом с нами. Я предложила им выбрать любое удобное для них место.

– Привет, именинница. – Это приветствие они проговорили хором.

Марина протянула мне маленькую красную коробку с неприлично большим атласным бантом, при этом злобно улыбнувшись, произнесла:

– Надеюсь, мой подарок понравится. Очень хотела тебя порадовать. Старалась.

– Спасибо. – Я ответила вежливо, пытаюсь не поддаваться на провокации. Я знала, что разного рода провокации были ее коньком. Ей они доставляли особое удовольствие.

– Разве тебе не интересно, что там? – Марина не унималась, и улыбка ее стала еще ехиднее.

– Я дома посмотрю.

– Открой сейчас. Нам тоже интересно посмотреть над чем, так старалась Марина. – Теперь на помощь ей пришла Анжелика.

– Девочки, не надо настаивать. Если она решила, что откроет дома, то пусть так и будет. – Сказала Катя, видя мое неловкое положение.

– Ну как знаешь. – Проговорила расстроено Марина. – Я так старалась, а ты вот как со мной поступаешь.

Я знала, что эта информация вскоре просочится на ее личной странице и перевернет она ее так, словно я струсилась и испугалась посмотреть подарок, зная, что он был с подвохом. Я, стиснув зубы, принялась развязывать этот несуразный огромный бант, который каким-то чудесником-кудесником был водружен на столь маленькую коробочку.

Боковым зрением я видела, как обе закадычные подружки наслаждаются предстоящим крахом. Но, зная их, я сделала невозмутимое лицо, изобразив при этом притворную улыбку, и внутренне решила, что какой бы не была эта каверза, не упаду в грязь лицом, а напротив, выйду победителем из маленькой схватки.

Когда мне удалось справиться с бантом, я открыла коробку. Внутри лежало две красивые баночки с кремом. Одна баночка была заполнена кремом от ожирения, а во второй находился антицеллюлитный крем. Я это поняла сразу, так как недавно эти одноклассницы рассказывали на весь класс, что некая французская фирма выпустила такого рода кремы, и они стоят бешеных денег. При этом чудо кремы дают мгновенный результат. Намазал бока, живот и ягодицы и уже на следующий день нет ни боков, ни живота, ни ягодиц.

Я посмотрела на одноклассниц, предвкушавших мой полный провал, и с благодарностью в голосе произнесла:

– Спасибо милая подруга Марина. Я очень рада стать счастливой обладательницей технологической новинки, пришедшей к нам из европейского мира красоты и совершенства и выпущенной на рынок товаров и услуг совсем недавно. Я знаю, что эту новинку очень сложно достать, и она стоит дорого. Я благодарна тебе за то, что не скупилась на подарок и за заботу о моей фигуре. Я чувствую себя полным ничтожеством из-за того, что вынуждена тебя огорчить. Дело в том, что мне придется в скором времени выбросить твой подарок, так как у кремов уж очень маленький срок годности, около года, если не ошибаюсь. В настоящий момент на моих боках нет ни капли лишнего веса. Мой живот подтянут, а на ногах не поселился целлюлит, так что в ближайшее время не смогу воспользоваться этим чудом. Но чтобы деньги и твои старания зря не пропадали, а также, чтобы не огорчать тебя я могу его вернуть. Если хочешь, забери его обратно, тебе он больше пригодится. Ты ведь отдала за него тысячу баксов, верно? Так не пропадать же ему.

Лицо Марины, в тот момент, когда я неспешно произносила свою речь, вытянулось в гримасе, а брови удивленно поползли вверх. Анжелика, желая показать мой провал, снимала наш диалог на камеру мобильного телефона, отчего, не ожидая такой реакции с моей стороны, переключилась на подругу и стала снимать ее лицо.

– Выключи эту проклятую камеру. – Марина вырвала телефон из рук подруги и принялась стирать запись. Она не знала, что запись в телефоне дублируется скрытым файлом. Какие-то продвинутые хакеры помогли Анжелике сделать так, что все записи в телефоне автоматически дублируются, и если удаляешь одну запись, то копия остается в скрытом файле и лишь обладатель телефона знает, где она хранится. Этого не знали ни я, ни Марина.

– У Марины ведь тоже скоро день рождения. – Засмеялась Анжелика. Она хоть и была заодно с Мариной, но таких жестоких выпадов не совершала. Анжелика забрала обратно телефон, направила его на свое лицо и стала комментировать: А ты, Люба подари Марине на день рождения путевку в санаторий для лечения от дистрофии.

От этих слов лицо Марины совсем скривило. Она явно не ожидала такой каверзы со стороны близкой подруги.

– Девочки, не ссорьтесь. – Вмешалась в обмен любезностями Катя. – Возможно, Марина хотела угодить, но получилось, как получилось. Лучше давайте не будем портить Любе настроение и закажем какие-нибудь легкие коктейли.

Мы вняли совету Кати, заказали коктейли и стали ждать прихода остальных гостей. Спустя полчаса на праздник пришли Виктор и Александр по прозвищу «Биолог». Я немного разочаровалась. Из приглашенных двадцати человек пришло только трое. Александр вообще не являлся одноклассником и учился уже в каком-то институте, но дружил с Виктором и тот притащил его на халявную выпивку и закуску. В общем, они были закадычными друзьями и вместе играли в какой-то рок группе. Я видела Александра несколько раз, когда он вызывал Виктора с уроков.

– Не расстраивайся. Это твой день. Никто и ничто не должно тебя огорчать. – Тихо проговорила Катя, подсев поближе ко мне и так, чтобы присутствующим не было слышно нашего разговора.

Поняв, что больше никто не почтит меня своим присутствием, я предложила заказать закуски, горячие блюда и, разумеется, напитки. Ребята сразу заказали себе две бутылки водки, а мы довольствовались шампанским. Когда официантки заставили весь стол всевозможными яствами, Виктор налил мне полный стакан водки и произнес:

– Катя, сегодня твой праздник. Все мы здесь собрались ради тебя. – Марина усмехнулась. – Так вот, желаю тебе всегда оставаться такой не красивой, веселой и не по годам умной девушкой. Свой первый стакан ты должны выпить до дна. Ведь тебе уже шестнадцать. Ура! Ура! Ура!

Я посмотрела на стакан и перевела дух. Водку я никогда раньше не пробовала. Меня вообще не интересовал этот напиток. Я могла выпить на празднике бокал шампанского или белого вина, но водку... Меня передернуло. В стакане было налито не менее грамм семидесяти, и осушить его залпом было для меня невыполнимой задачей.

Я взяла в руку стакан, зажмурила глаза и разом залила в рот противную, горькую жидкость. Эта мерзость мгновенно обожгла горло, а затем и желудок. Стало так противно, что из глаз выступили слезы. Водку я пила стоя. Голова закружилась так, что я едва не рухнула, но вовремя схватилась за край стола и удержала равновесие.

– Не думал, что люди боятся водки так, словно пьют чашу с ядом.

– Это и есть самый настоящий яд. – Хриплым голосом отозвалось мое горло.

– Ох уж эти женщины! Вечно все преувеличивают. – Засмеялся Виктор.

– Ты молодец, Люба. Смелая. – Подбодрил меня Александр и налил еще один стакан. Так как ты виновница торжества, то не можешь отказаться от тостов в твою честь. Пей до дна, а мы пожелаем тебе благополучного взросления. Я решила, что больше трех стаканов пить не стану, даже если это будет казаться им неприличным. С этой мыслью я сушила второй стакан. Содержимое второго стакана прошло легче и уютно улеглось на дне желудка. По телу прокатилась волна расслабленности. Мне захотелось встать и полететь, словно птица. Играла тихая музыка. Ноги сами понесли меня из-за стола и потянули на танцпол. Я закрыла глаза, стала двигаться в такт музыке и полностью отдалась ощущению полета.

– Красавица, можно пригласить вас на танец. – Мой полет прервал приятный мужской голос. Я резко открыла глаза. Передо мной стоял незнакомец. Внешность его была еще прекраснее голоса. Высокий, стройный, мускулистый парень с лицом голливудского актера смотрел на меня с интересом. Я растерялась, а вскоре услышала свой дрожащий голос, ответивший согласием. Незнакомец приблизился ко мне и крепко причал к своей груди.

О, Боже! Еще никогда и ни один парень не приближался так близко.

– Вы прекрасно двигаетесь. – Продолжил он разговор.

– Спасибо. – Еле выдавила я из себя.

Рука парня сползла с моей спины вниз и легла аккуратно на моем бедре. По правилам хорошо тона и, как подобало порядочной девушке поступать в подобных случаях, я немедленно должна была убрать его руку и прекратить танец. Но я тот момент не хотела убирать его руку и оказалась девушкой неприличной. Мне нравилась его рука, нравилась его внешность, нравился танец и нравился аромат его одеколона. Его рука долго не задержалась на бедре и продолжила скользить по спине то вверх, то вниз. От мягких и нежных прикосновений загорелась кожа. Это были новые, неопишуемые и необыкновенно прекрасные ощущения. Он наклонился ко мне и тихим бархатным голосом спросил:

– Как же зовут вас прекрасная незнакомка?

– Люба. – Произнося свое имя, я икнула, и мне стало стыдно. Незнакомец ничуть не смутился.

– А меня Максим.

«Максим, Максим, Максим. Ты прекрасен». – Пронеслось в моей голове.

Максим закружил меня в танце так, что я перестала ощущать себя в пространстве. Привычный мир перевернулся, и я оказалась в другом, невиданном ранее бытие, где были только он и я. Мне захотелось, чтобы время остановилось. Я взглянула в сторону нашего столика и увидела завистливые взгляды одноклассниц. Глаза Марины метали молнии, и если бы она могла, то уничтожила бы меня одним только взором. Анжелика также с нескрываемым интересом смотрела на моего спутника. Эти львицы готовы были меня порвать только за один танец с этим прекрасным парнем. Когда очередная песня закончилась, Максим выпустил меня из своих объятий и спросил:

– Люба, хочешь коктейль или пиво?

Мне хотелось продолжения знакомства, и снова мой голос, вопреки моему разуму, предательски согласился. Я перестала понимать, что со мной происходит, и прекратила сопротивляться, позволив обстоятельствам унести меня в неизведанные дали.

– Присоединяйтесь к нам. – Громко крикнул нам Александр по прозвищу «Биолог», получивший кличку за страсть к употреблению вегетарианской пищи. Когда мы подошли к столику, Александр произнес: – Знакомьтесь, это мой младший брат Макс. Прошу его любить и жаловать. Я и предположить не могла, что Макс брат «Биолога», так как внешне они сильно отличались друг от друга, как груша от яблока. Соответственно Макс был красивым спелым яблоком, а Александр зеленой незрелой грушей.

– Очень приятно. – Марина расплылась в широкой улыбке и решила пойти ва-банк. – Макс, не желаешь ли со мной потанцевать? Отказа я не приму, так как красивым парням неприлично отказывать в просьбах красивым девушкам. Максиму ничего не оставалось, как снова вернуться к танцам.

Марина посмотрела в мою сторону и торжествующе ухмыльнулась.

– Она злит тебя. – Сказала Катя. – Она желает тебе хоть чем-нибудь досадить. Ведь не она тебя, а ты ее сегодня сделала. За свои чувства надо бороться. Вижу, Максим тебе приглянулся, так и не уступай. И не важно, получится ли у вас любовь или нет. Просто заруби себе на носу, что за все в этой жизни приходится бороться. За что-то меньше, за что-то больше.

– Тише ты. – Я одернула подругу за руку. – Нас все слушают.

– Они ничего не слышат. Музыка слишком громкая.

– Давайте поздравим именинницу еще раз. – Я услышала за спиной голос Максима.

– Как ты узнал? – Спросила я.

– Очень просто, Марина рассказала.

Макс с интересом посмотрел на Марину, а затем присел к столику, налил два стакана водки. Один протянул мне, а второй оставил в своей руке. Пить водку мне уже совсем не хотелось. Меня начинало подташнивать. Ощущение легкости прошло, а на смену ему пришла дур-

нога. От одного вида этой гадкой отравы, которая еще источала не менее противный запах, к горлу подступил ком. Маринка, видя мое замешательство, взяла из его рук стакан.

– Я хоть и младше, зато гораздо взрослее. Я выпью из этого стакана, но взамен, ты подаришь мне еще один танец. Да и невозможно отказаться, когда такая прекрасная рука протягивает такой маленький стаканчик.

Я пришла в ярость, резко вырвала из рук соперницы стакан и снова разом осушила его.

– Да я тоже уже не маленькая. Вообще – то у меня сегодня день рождения, а не у тебя. И это мне шестнадцать, а не тебе. Вот когда тебе будет столько же, тогда и пей водку, а пока ты еще маленькая и пей свое шампанское.

Немногочисленная компания во все глаза смотрела на мою выходку. Маринке удалось все-таки одержать вверх. Она этого страстно хотела, и добилась. Я решила взять реванш, немного успокоится и поставить ее на место. Больше вывести меня из равновесия ей не удастся ни в этот вечер, ни вообще в будущем.

Но ситуация снова поменялась не в мою пользу. Кадки, окружавшие стол, вдруг стали кружиться в танце. Вместе с ним поплыл весь зал. Я схватилась за край скатерти с такой силой, что фаланги пальцев побелели. Я не сразу поняла, что причина столь необычного кадочного вальса крылась в моем опьянении. Я отдавала отчет своим мыслям, но вот тело категорически отказывалось слушаться, а зрение предательски подкидывало несуществующие фигуры из движущихся предметов. И на кадках не закончилось все дело. Мне стало казаться, что я попала в джунгли и рысь пытается выпрыгнуть из ненавистой клетки, чтобы поохотится на меня. Головы диких кабанов, оскалив клыки, пытались вырваться со своих настенных постаментов и придти на помощь рыси. Это «Сафари» над интерьером, которого я совсем недавно улыбалась, показал мне свое истинное лицо, и теперь мне было не до смеха. Но самым интересным было то, что администратор – негр, который в тот момент двигался к нашему столу, перестал мне казаться чеширским котом и больше походил на кота Бегемота из знаменитого Булгаковского романа. Да и все действия, которые происходили вокруг, скорее напоминали бал, Воланда на который, посчастливилось попасть Маргарите. Да и я уже не ощущала себя Алисой, а скорее Маргаритой, которая не могла ориентироваться между происходящей реальностью и вымыслом воображения.

Я, собрав в пучок всю свою разрозненную волю, ринулась в сторону туалета. Показать окружающим себя во всей антикрасе, я не могла, да и на следующий же день вся школа станет улыбаться от моего неподобающего и дикого поведения, которое одноклассницы непременно бы записали на телефон.

Катя побежала следом. Оказавшись в дамской комнате, она включила кран с холодной водой и стала приводить меня в порядок.

Вода, вода. Это чудодейственное средство, не нуждающееся в дополнительном описании, мгновенно привело в чувства не только мой разум, но и тело.

– Любаш, ты совсем не умеешь пить. Не пей больше водку. Тебе хватит. Вся эта компания намеренно пытается тебя спойть. Ты ведь для них правильная, вот и стараются, как могут. Оттого, что напьешься, взрослой не станешь.

Мне сделалось еще хуже, и я побежала к унитазу. Внутренние органы выворачивало наизнанку, а желудок и вовсе свело судорогой. В этот момент мне казалось, что я умираю. Прошло не менее часа, прежде чем я стала походить на человека. Когда же этот кошмар меня отпустил, я вернулась в зал.

– Чтобы дров не наломать, давай попросим счет, попрощаемся со всеми и вежливо удалимся. Уже половина одиннадцатого. Сошлемся на что, что завтра будний день и пора расходится. Парни уже взрослые и если захотят, то пусть остаются за нашим столиком. – Предложила Катя, когда мы возвращались к моим гостям.

Я кивнула. В зале было шумно. Маринка и Анжелика развлекались, танцуя и завлекая парней на танцполе. Максим сидел в гордом одиночестве на том же месте, где мы его оставили. Его взгляд стал каким-то отстраненным. Я сначала не поняла, что с ним происходит и решила, что он тоже напился. Его глубокие голубые глаза вдруг затуманились и стали грустными. Они блуждали по залу и ни на чем не фокусировались. При моем появлении, он оживился и попытался улыбнуться. Он не был пьян, но что-то в нем было не так. Максим грубо схватил меня за руку и посадил рядом с собой.

– Ты такая красивая, такая непорочная, словно греческая Афродита. А твои рыжие волосы, словно солнце, освещая землю, озаряют твое лицо. – Он наклонился ко мне, взял локон волос и стал накручивать их на палец. – Как вкусно пахнут твои волосы.

От этих слов, сердце снова застучало. Максим провел рукой по моему лицу. Лицо мое покраснело, и стало походить на раскаленную сковороду.

– Развлекаетесь? – Услышала я незнакомый голос и повернула голову, чтобы взглянуть на его обладателя. Неизвестный мне парень был изрядно пьян и еле держался на ногах.

– Макс, познакомь нас.

– Это Люба. – Ответил Максим.

– А я Кирилл. Прошу любить и жаловать. – Парень, словно шут, сделал поклон в мою сторону, после чего нагло плюхнулся на стул, рядом со мной. Продолжая в том же духе, он налил себе стакан водки, пододвинул чужую тарелку с куском говяжьего стейка и стал съедать его так, будто неделю его не кормили.

Катя махнула рукой официантке и попросила принести счет.

– Вы собрались уходить? Так рано? – Заволновался Максим. – Я не хочу в этот прекрасный вечер отпускать девушку моей мечты домой. Любаш, не торопись, останься со мной.

– Мне пора. Я должна вернуться домой, ведь завтра в школу. Надо выспаться.

– Да ты ж еще маленькая. Под родительской опекой. – Усмехнулся Кирилл.

– Неправда. Я уже взрослая.

– Тогда останься. Или боишься, что ругать будут?

– Ничего я не боюсь.

В этот момент к нам вернулись все остальные, кроме Анжелики и Марины, которые, не попрощавшись, как говорится, ушли по-английски. Узнав, что я и Катя тоже собираемся уходить, Александр неожиданно для всех предложил:

– А пойдете ко мне в подвал. Там здорово. Я сыграю вам на гитаре одну из своих новых песен. Скоро альбом собираюсь выпускать.

– Люба, не отказывайся. Посидим часик и разойдемся по домам. Кто знает, может мы больше, и не встретимся никогда. – Сказал Максим.

Максим меня чем-то зацепил, к тому же я хотела продолжения знакомства и, видя его напористость, я согласилась. До полуночи было не менее часа. Этот час я проведу с Максимом. Может, удастся обменяться телефонами и в дальнейшем продолжить знакомство.

Расплатившись по счету, мы оставшейся компанией направились в подвал, который к моей радости располагался рядом с ночным клубом. Нам не пришлось вызывать такси, и мы пошли пешком. По пути Виктор и Кирилл передумали идти с нами и вернулись в клуб. В итоге осталась компания из четырех человек, среди которых была я, Катя, Александр и его брат Максим.

## Глава IV. Подвал

Не прошло и десяти минут, после того, как мы покинули клуб и оказались перед неприемным пятиэтажным домом. Было темно, и лишь свет фонарика, который держал в руке Александр, освещал наш путь. Подъезды дома располагались во дворе, а вот вход в подвал спрятался на его фасадной части за стволом старого тополя. Не знающие люди, вряд ли могли предположить, что за этим тополем есть потайная дверь.

Макс открыл навесной замок и толкнул ногой дверь, отчего тяжелая металлическая дверь двинулась вперед, издавая противный тягучий скрип. От двери вниз бежали неровные, местами отбившиеся каменные ступени.

На улице резко похолодало, и я стала мерзнуть. Максим обнял меня за плечи и прошептал на ухо:

– Я тебя скоро согрею.

Впереди шел Александр и по-прежнему освещал наш путь. Осторожно спускаясь по ступенькам, мы гуськом пошли вниз. Ощущался резкий запах сырости, и я представила, как при полном освещении перед нами предстанет картина ужаса, где со всех сторон нас будут окружать крысы и летучие мыши. Стало как-то не по себе, и я поежилась, но уже от мерзости, а от волнения, которое одолевало утром.

– Не бойся, я рядом и если я рядом, с тобой тоже ничего не случится. – Снова прошептал Максим.

Когда ступеньки закончились, мы ступили на влажный цементированный пол и двинулись дальше по узкому коридору, затем еще несколько раз свернули и оказались в нужном месте. Помещение было закрыто на замок. Александр еще раз открыл ключом замок, и я с облегчением вздохнула, оттого что больше не придется блуждать по темным коридорам. Вот уж не думала, что опущусь так низко.

Максим включил свет. Мы оказались в небольшой квадратной комнате, размером не более шестнадцати метров. Катя, увидев комнату, сморщила нос. Свет от маленькой грязной лампочки, одиноко висящей на потолке в самом центре, как ни старался, не мог дотянуться до всех уголков комнаты, отчего она выглядела зловеще.

С правой стороны от двери, на трех ножках примостился полуразвалившийся диван с обворованным покрывалом. Старый красный кирпич, служил четвертой ножкой для дивана и, несмотря на свой возраст, нес службу верно и стойко, претерпевая все невзгоды, свалившиеся на него от посетителей.

В центре комнаты стоял покосившийся деревянный стол и пара табуретов. Табуреты, в отличие от всех остальных жильцов комнаты, бесцеремонно вторглись в этот старый альянс и были новенькими, блестящими, свежеекрашенными и вероятнее всего, пахли лаком. Вместо скатерти стол устлала газеты.

В дальнем правом углу имелся резной сундук с изображениями греческих сатиров, раскрашенных в разные цвета, а на нем, будто на слоне возлежало цветное одеяло с бахромой. В метре от него стоял маленький, кругленький, громко тарахтевший холодильник. Он гудел так сильно, словно изо всех сил желал показать, что жизнь в нем все еще существует. Позеленевшие от плесени стены были оклеены выцветшими плакатами рок музыкантов, имен которых я припомнить не могла. Глядя на эти плакаты, я пришла к выводу, что Александр увлекается тяжелым роком.

В противоположном от двери углу, но уже с левой его стороны стояли музыкальные установки: барабаны, гитары и синтезатор.

На большой трубе, проходившей по потолку через всю комнату, виднелись капли воды. Хоть и было жутковато, но рядом был Максим и меня это успокаивало.

Катя вертела головой в разные стороны и удивленно смотрела то на меня, то на хозяина столь необычной берлоги.

– Да, Катерина, вот так мы живем. Не удивляйся, мы ведь дети подземелья. Живем вот здесь и работаем, а по вечерам, как оборотни выползаем наверх на людей посмотреть и себя показать. – Засмеялся Александр и стал подтрунивать свою гостью.

– Да какой же ты оборотень, если вегетарианец? – Я попыталась пошутить над ним.

– Все в мире меняется. Оборотни тоже следуют моде, вот и становятся вегетарианцами. А вампиры, те и вовсе перешли на искусственную кровь, заказывают ее по интернету. Смешные они, не хотят заразу подцепить типа СПИДа или гепатита. Хотя и живут они вечно, но тоже за здоровье, то свое беспокоятся. Вот и мы не отстаем от них. Мы за здоровый образ жизни, но только вегетарианский. – Александр раскатисто захохотал. – Это шутка, конечно. На самом деле мы здесь только музыку пишем, а иногда друзей встречаем. Шляться по клубам удовольствие не из дешевых, вот и приходится и здесь принимать, так сказать, желанных гостей.

Катя подошла к дивану, пощупала его рукой на прочность и осторожно опустилась на край.

– Подожди. – Опередил ее Александр. Катя резко вскочила и испугано посмотрела в его сторону. Александр перевернул покрывало на изнаночную сторону. – Там оно чище. Теперь можно и присесть.

Максим, тем временем, подошел к холодильнику и извлек оттуда котелку копченой колбасы и ломоть сала.

– Ты, Сашка, будь вегетарианцем, а я с девчонками мяском, и сальцем побалуюсь. – Он положил продукты на стол, вернулся к холодильнику и достал еще банку с консервами, батон, кабачковую икру и бутылку с водкой.

Александр открыл красочный сундук и достал стаканы. Они молниеносно накрыли на стол и пригласили меня и Катю к трапезе. Чтобы всем хватило места, Максим сдвинул стол в сторону дивана, а Александр разлил водку по стаканам. Запах этой мерзости снова ударил в голову.

– Я больше не буду пить. – Твердо сказала я. – Мне завтра в школу. Контрольная по математике и я не хочу дышать спиртным в лицо учительнице. Я сижу за первой партой, напротив нее.

– Ты, что струсил? Думаешь, училка водку не пьет? Она что не человек? Это не аргумент. И вообще, можешь не ходить завтра в школу. Скажи предкам, что в клубе тебя накормили не свежей едой, и ты плохо себя чувствуешь. Что твои предки звери что ли? Наверняка все поймут и простят. – Сказал Максим.

– Я живу с мамой.

– С мамой? Тогда тем более, она поймет тебя как женщина женщину или как подруга подругу. Не глупи. Решили продолжить вечер, значит надо выпить. – Продолжил настаивать Максим и продолжил тост: – Хочу выпить за прекрасных дам, которые почтили нас своим присутствием, озарив нашу каморку. А еще хочу выпить за Любу, за ее шестнадцать. Хочу, чтобы наше знакомство на этом вечере не закончилось, а продолжилось.

Я отпила маленький глоток и опять почувствовала, как приятное тепло разливается по телу. Александр взял электрогитару и стал играть какую-то приятную мелодию.

– Это моя новая песня. – Пояснил он. – Наслаждайтесь. Пока без слов. Я гитарист, а солист наш пока отсутствует.

Александр играл и играл, а мы всё слушали и слушали. Вот так под звуки расслабляющих мелодий, я не заметила, как пролетело несколько часов. А еще в перерывах между мелодиями ребята рассказывали анекдоты. Мы все дружно хохотали и естественно, в такой атмосфере никто на часы не смотрел. Когда я взглянула на часы в своем мобильнике, было уже далеко

за полночь, и они показывали три часа ночи. На телефоне был с десяток пропущенных вызовов от матери.

– Мне пора. Я вызову такси. – Сказала я и засобиравшись домой.

– Да, нам уже пора домой. – Поддержала Катя.

– Сашка, ты вызови такси и проводи Катю домой, а я провожу Любу. – Сказал Макс. – Разговаривать по телефону в этом подвале не возможно, связь слабая, поэтому придется подниматься наверх. Вы идите и вызывайте такси наверху, а мы следом за вами выйдем. Я хочу сказать Любе несколько очень важных слов.

– Я не могу оставить Любу. – Сказала Катя. – Мы вместе пришли сюда и вместе уйдем.

– Я сам вызову такси и отвезу Любу до дома. – Настаивал Максим.

– Иди, Катя. – Я скоро выйду.

– Ты уверена?

– Да, уверена. Я доберусь. Максим меня проводит.

Когда Люба и Александр скрылись за дверью, Максим, сидевший в то время напротив меня на табуретке, подошел к дивану, присел рядом и, вытянув голову в мою сторону, спросил:

– Люба, разреши тебя поцеловать, один раз. Я оставшуюся ночь от этого поцелуя буду сладко спать, и видеть красивые сны. – При этих словах он, не дождавшись ответа, прижал меня к себе и стал страстно целовать.

Я, задыхаясь, отстранила Максима от себя, быстро встала и произнесла:

– Нам пора идти.

– Ты мне нравишься. – В ответ сказал он, и в его голосе прозвучала хрипотца.

Мне стало стыдно. Румянец залил меня от кончиков ушей до самых пяток. Это был первый мой поцелуй. И был он таким же первым и стыдливым перед самой собой, как и стакан выпитой водки.

Я, не дожидаясь ответа, быстро схватила сумку и двинулась в сторону выхода. Александр также быстро среагировал и в два шага догнал меня, сильно прижал к себе и снова стал целовать.

– Расслабься, я не причиню тебе боли. Хочу сделать тебе приятно. Этот нахальный тип с его настойчивостью и бархатным голосом уговорил меня мгновенно, и я осталась. Он поднял меня на руки и понес к тому старому дивану, который видел, вероятно, многое.

– Как ты красива. Я не ошибся. Ты богиня. Ты Афродита.

– Закрой глаза.

Я подчинилась и прикрыла глаза. Затем произошло то, чего я совсем не ожидала. Я почувствовала резкую боль внизу живота и захотела закричать, но Максим снова стал целовать меня. Через пару минут все также быстро закончилось, как и началось. Максим испустил истощенный крик, откинулся на спинку дивана и закурил сигарету. Его лицо светилось от удовольствия. До меня стало доходить, что произошло. На моих ногах и на покрывале были капли крови.

Для него это было также просто, словно выкурить сигарету, а для меня в этот миг весь мир перевернулся с ног на голову. Не таким я представляла себе первую близость. Я знала, что такое близость, но иначе представляла ее. В моих мечтах она совершалась в первую брачную ночь на большой кровати, в романтической обстановке. Но все это никак не вязалось с мечтами и совершилось на обшарпанном диване в полном гнили и плесени подвале.

Я с омерзением и стыдливостью попыталась прикрыться краем покрывала.

– Не скрывай от меня свою красоту. Я итак уже все видел. Сейчас наберусь сил, и мы продолжим.

– Нет. Не надо. Я больше не хочу.

– Я не знал, что ты девственница. Извини. Ты же мне об этом не сказала, вот я и подумал, что это можно сделать.

– Ты же знаешь, сколько мне лет.

– Знаю и что из этого. В твоём возрасте многие девочки живут половой жизнью. Думал, что ты уже взрослая и спишь с парнями. Ты осталась здесь со мной и должна была понять, чем это закончится.

– Что ж я теперь матери скажу? – Я закрыла лицо руками и заплакала. Максим, вместо того, чтобы меня успокоить сменил тактику.

– Ты и в самом деле такая правильная? Прямо, как мамонт среди слонов. Ничего и никому не говори. Зачем вообще кому-то сообщать о том, что стала женщиной. Мама тебя за это по головке не погладит. Ради твоего же спокойствия, лучше промолчи. Это твоё лично дело и твоё личная жизнь, и она не должна абсолютно никого касаться, а теперь тем более. – В его голосе больше не было бархатистости, а слышалась уже злость и раздражение.

Максим встал, быстро оделся и направился к выходу. У двери я услышала, как он командно произнес:

– Ложись и поспи немного. Я схожу в ночной магазин и куплю воды, чтобы ты смогла помыть свои ноги и привести себя в нормальный вид. Посмотри в зеркало, сопли свои распустила, всё лицо размазано.

Вот так из богини Афродиты я моментально превратилась в сопливую девчонку. И не успела я возразить, как он скрылся в темноте. Шестнадцатилетие ознаменовалось полным провалом. Нашла-таки приключение на свою голову и осталась одна в сыром подвале, где нет связи, воды, близких или знакомых мне людей. Я опять была одинока во всей вселенной. Стало жаль себя.

Я сняла с дивана покрывало, накрылась и принялась обдумывать грядущий неприятный разговор с матерью. Усталость и алкогольное опьянение взяли вверх, Глаза закрылись сами собой и я заснула. Когда проснулась, было уже семь утра. Максима рядом не было. Он не вернулся. Мне ничего не оставалось делать, как самостоятельно расхлебывать кашу, которую сама же и заварил. И ничего не оставалось, как одной выбирать из этого подземелья.

Я нашла кусок старой тряпки, обтерла им ноги, оделась и стала искать что-либо похожее на фонарик. Зарядка на телефоне стала сдавать, и мне нужно было экономить энергию, чтобы вызвать такси. Мне повезло, я нашла зажигалку, которая лежала на барабанной установке. Она очень помогла, когда я, блуждая по коридорам подвала, искала нужную мне лестницу. Вздыхнув с облегчением, я стала подниматься вверх. Лестница вела меня во взрослую жизнь. Я осознала, что детство кончилось, пришла пора взрослеть. Теперь мне и только мне придется отвечать за свои поступки.

Когда я оказалась на свободе, то дрожащей рукой набрала номер такси, и вызвала машину. На улице уже было светло. Погода угодила моему мрачному настроению. Моросил мелкий дождь и дул сильный ветер. В коротком платье с голыми руками, я выглядела нелепо на фоне непогоды. Спрятавшись под кроной большого тополя, я стала ждать такси.

– Что ты здесь лазишь, развратница. Иди отсюда.

Я вздрогнула и оглянулась. Метрах в пяти от меня стояла дворничиха и с грозным видом размахивала метлой, пытаясь меня прогнать, словно паршивую собаку. Шквалистый ветер сорвал с дерева молодые, ещё не успевшие окрепнуть листочки и старые сучья разметал их в разные стороны. А мои волосы ветер растрепал так, что они стали походить на метлу дворничихи. Вид у меня был совсем не светский. Неудивительно, отчего она так ругалась.

Женщина, несмотря на ветер, усердно принялась старательно собирать метлой в кучу листву и стала мести её в мою сторону. Она не удовлетворилась одной оскорбительной фразой и вылила на меня целый поток ругательств.

– Развели притон, наркоманы и потаскухи. Шарятся здесь и днём и ночью, управы на вас нету. Я вот возьму и позвоню куда надо. Немедленно, убирайся вон отсюда. – Она стала кричать на меня так, словно от её громкого крика зависела вся её жизнь.

Я отвернулась. Оскорбления, больно ударили по моему молодому самолюбию, но спорить и огрызаться я не стала. Не видела смысла убеждать грозную и незнакомую женщину в моей порядочности. Никто и никогда так грубо со мной не разговаривал. Я, стиснув зубы, побежала прочь, подальше от этого дерева и этого подвала. Недалеко, в молодой алее рядом с домом была скамейка. Я присела на скамейку и стала дожидаться таксиста под проливным дождем. Благо дожидаться пришлось не долго. Не прошло и пяти минут, как подъехал автомобиль. Но даже этого времени хватило, чтобы превратить меня из молодой девушки в безмозглую, мокрую курицу в дорогом платье именитого кутюрье.

Подметая листву, дворничиха продолжала бранить меня и пробегавшие мимо люди, укрывшись зонтами, косо поглядывали в мою сторону.

Оказавшись на сиденье автомобиля, я готова была расцеловать таксиста в обе щеки. Он был моим спасителем не только от злой дворничихи и непогоды, но и от всего того, о чем вспоминать обычно не хочется.

Вскоре я уже ехала домой. На часах было восемь утра. Я знала, что матери нет дома. Она всегда уходила в половине восьмого и возвращалась только вечером. До вечера у меня было время на то, чтобы прийти в себя и обдумать предстоящий разговор.

Оказавшись у дома, я быстро расплатилась за такси и молнией влетела в фойе подъезда. Сделала я этого для того, чтобы консьерж или еще кто-либо из жильцов не смог увидеть моего постыдного вида.

– Доброе утро, Любаша. Куда ты так торопишься? – Поприветствовала меня соседка тетя Лена, та самая, которая следит на лавочке под дубом за всеми жильцами дома и ведет записи в своем секретном блокноте. Она вышла из лифта, в самый ненужный момент, и видимо, собиравшаяся выгулять под дождем задохленькую чихуахуа.

В фойе нашего элитного дома было тепло. Повсюду горели яркие лампочки, и разглядеть мои смазавшиеся от слез и дождя глаза и спутанные волосы ей не составляло особого труда. А чего стило мое появление в столь ранний час в таком виде в фойе? Это был полный провал и катастрофа для меня, и сенсация для соседки.

С промокшего насквозь платья стекали капли. На белом мраморном полу от моих грязных босоножек, перетоптавших половину грязного повала, предательски отпечатались следы грязи, глины и песка. Я ощутила себя снежным человеком, которого обнаружили земляне, причем в самый неподходящий для него момент.

Тетя Лена критически осмотрела меня с ног до головы так, что не одна деталь не ускользнула от ее зоркого глаза, улыбнулась и снова спросила:

– Ты куда-то идешь с утра пораньше, или же возвращаешься из гостей? – Вопрос она задала издевательски, с ухмылкой. Соседка прекрасно видела мое состояние, а также то, что я пришла со стороны улицы, но никак не наоборот. Видно было, что она просто хотела услышать в ответ, мое вранье, которое вскоре смогла бы донести и до матери и до остальных жильцов.

– Доброе утро, Елена Сергеевна. Извините, но я очень тороплюсь и не могу отвечать на вопросы.

– А с каких это пор, Люба ты зовешь меня Еленой Сергеевной, а не тетей Леной? Я тебя чем-то обидела?

– Нет. Я просто тороплюсь.

Меня спасла собачка, которую соседка держала на руках. Чихуахуа, оскалив зубы, принялась лаять в мою сторону и, пытаясь вырваться, норовила укусить меня за руки. Хозяйка собачки отвлеклась, и я бросилась к лифту. Но и здесь меня поджидала неудача. Как только я оказалась у лифта и с облегчением вздохнула оттого, что удалось оторваться от соседки, как двери его открылись, и я оказалась лицом к лицу со своей матерью. Я с видом каменного истукана, застыла на месте. Мать была одета в строгий брючный костюм цвета горячего шоколада и, по-видимому, торопилась на какую-то деловую встречу.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.